18+

Эллас Гримм

ЯПОНСКИЙ ХОРРОР

ШЁПОТ АОКИГАХАРЫ

ГОЗУ. ОСОБНЯК ХИМУРО. ОБЕЩАНИЕ НА ВЕТРУ.
ТЁМНЫЕ ВОДЫ ДАННОУРА. ЗНОЙНАЯ КОЛЫБЕЛЬ МИИРАКУ.

Элиас Гримм

Японский хоррор: шёпот Аокигахары

«Издательские решения»

Гримм Э.

Японский хоррор: шёпот Аокигахары / Э. Гримм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685016-3

«Японский хоррор: шёпот Аокигахары» — погружение в самые тёмные уголки японского фольклора. Встреча с прошлым в проклятом лесу. Искатели сенсаций в заброшенном особняке. Летние тайны в уединённой деревне. Древние силы, пробуждающиеся в тёмных водах. И зной, таящий леденящий ужас.

ISBN 978-5-00-685016-3

© Гримм Э.
© Издательские решения

Содержание

Гозу 6
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Японский хоррор: шёпот Аокигахары

Элиас Гримм

© Элиас Гримм, 2025

ISBN 978-5-0068-5016-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гозу

Аокигахара. Лес, раскинувшийся у подножия горы Фудзи, был окутан ореолом тайн и мрачных легенд. Для четырнадцатилетних Риоты, Нобуюки и Сатоши, живущих в его окрестностях, это место было не просто лесом – это был вызов, проверка на прочность, место, куда отправлялись, чтобы пощекотать себе нервы. Весна только набирало силу, наполняя воздух густым ароматом смолы и влажной земли, приглашая юные души к приключениям, к грань между реальностью и мифами.

Риота, обычно более рассудительный, но в то же время и самый любопытный из троицы, был движим не только жаждой острых ощущений, но и желанием испытать себя, вырваться из обыденности будней. Его друг, Нобуюки, с его задорным смехом и неуемной энергией, был зачинщиком многих их выходок, всегда готовым рискнуть и бросить вызов страху. Сатоши, самый тихий и, возможно, самый впечатлительный из них, хотя и старался не отставать, часто выдавал свой страх нервной улыбкой и бегающими глазами.

В тот день они отправились в Аокигахару с единственной целью – напугать друг друга. Вооружившись запасом жутких историй, которые они наперебой рассказывали, пытаясь переплюнуть друг друга в мастерстве нагнетания ужаса, они углубились в лес. Густые кроны деревьев смыкались над головами, создавая плотный, полутемный свод, сквозь который едва пробивались лучи солнца. Земля под ногами была покрыта густым слоем опавшей хвои и мха, заглушавшей их шаги и создававшей ощущение полной изоляции от внешнего мира.

«А вы слышали про Юрэй?» – начал Нобуюки, его голос звучал нарочито зловеще. – «Призраки, которые бродят здесь, ища души, чтобы утащить их с собой в могилу…»

«Да, слышали», – перебил его Риота, усмехнувшись.

«Ну и что!» – возразил Нобуюки, не смутившись. – «А вот про Акаманто, человека в красном, который появляется в ванной комнате и спрашивает, нравится ли вам красная бумага… Вот это уже страшно!»

Они знали их наизусть, знали каждую деталь, каждый поворот сюжета, и страх, который они пытались вызвать, казался уже притупленным.

Несколько часов они бродили по заросшим тропинкам, которые, казалось, вели в никуда, петляли и терялись в густой растительности. Лес был тихим. Не было слышно пения птиц, лишь их собственные шаги и голоса нарушали эту мертвую тишину. Чувство легкого разочарования начало охватывать их – их попытки напугать друг друга были тщетны.

И тогда, когда они уже подумывали повернуть назад, путь им преградило нечто. Прямо перед ними, среди вековых деревьев, на фоне плотного, непроглядного зеленого массива, висел человек. Его тело, обтянутое строгим черным костюмом, привязанное к толстой ветке крепкой веревкой. Мужчина, на вид лет тридцати.

Трое друзей замерли. Весь их запал, весь их подростковый задор испарился в одно мгновение. Это зрелище было слишком реальным, слишком ужасающим, чтобы быть частью их

игры. Они чувствовали, как по их спинам пробежал холодок, но это был уже не страх от выдуманных историй, а настоящий, первобытный ужас.

«Что… что это?» – прошептал Сатоши, его глаза расширились от шока.

Нобуюки, как обычно, первым пришел в себя, но на этот раз его бравада была смешана с истинным страхом. Он огляделся, словно ища поддержки у своих друзей. «Уходим отсюда», – пробормотал он, но ноги его, казалось, приросли к земле.

Их страх, однако, быстро уступил место другому, более темному чувству – любопытству. Любопытству, которое в таких местах, как Аокигахара, часто оказывалось сильнее инстинкта самосохранения. Нобуюки, оглядевшись по сторонам, заметил на земле палку. Его глаза загорелись, и он, поддавшись внезапному порыву, поднял её.

«Трусы!» – крикнул он, обращаясь к Риоте и Сатоши. – «Вы боитесь мертвого человека?»

С этими словами он приблизился к висящему телу и начал осторожно тыкать палкой в его ногу. Сначала его движения были неуверенными, но, взглянув на друзей, он увидел их испуг и, кажется, почувствовал прилив сил. Он стал дразнить их, упрекая в трусости.

Риота, которому слова Нобуюки показались вызовом, почувствовал, как в нём просыпается протест. Он не хотел показаться трусом. Он тоже взял с земли палку, более толстую и крепкую, чем у Нобуюки. Вдохновленный бравадой друга, он начал бить висящего мужчину по ноге.

Сатоши же, как и прежде, остался в стороне. Его лицо было бледным, а глаза – широко раскрытыми. Он не решался присоединиться к друзьям, его страх был сильнее. Он просто стоял и наблюдал, как Нобуюки и Риота, словно одержимые, продолжают свое жуткое занятие.

Риота, оторвавшись от своего приятеля, огляделся вокруг. Его взгляд упал на вещи, разбросанные неподалеку – видимо, принадлежавшие этому человеку. Там лежала кожаная сумка, портфель, какие-то документы. Любопытство, которое, казалось, завладело ими всеми, толкнуло его к сумке. Он поднял её, почувствовав её вес. Открыв её, он обнаружил внутри ключи, документы и, на самом дне блокнот.

Развернув его, Риота увидел написанный от руки текст. Это не было предсмертной запиской, полной отчаяния или сожалений. Это была история. История с названием «Коровья голова». Риота начал читать, и, почувствовав, что это может быть что-то необычное, позвал друзей.

«Смотрите!» – позвал он, его голос был полон удивления. – «Я нашёл что-то!»

Нобуюки и Сатоши подошли, взглянув на блокнот. История, которую они прочитали, показалась им не столько жуткой, сколько… неприятной. Странной. Какое-то гнетущее чувство осталось после прочтения. Риота, почувствовав, что это что-то большее, чем просто очередная страшилка, спрятал блокнот в карман, решив забрать его с собой.

После того дня в Аокигахаре, лес, некогда казавшийся им просто местом для жутких игр, превратился в мрачное воспоминание, запечатлевшееся в их сознании. Вернувшись домой,

Риота, Нобуюки и Сатоши пытались вести себя как обычно, но их привычная беззаботность была омрачена тем, что они видели. Блокнот с историей «Коровья голова», который Риота спрятал в кармане, казался ему чем-то большим, чем просто прочитанным рассказом – он ощущал в нем некое зловещее значение, которое пока не мог разгадать.

Школа, ставшая привычным фоном их жизни, на следующей неделе встретила их иным настроением. Атмосфера безделья, обычно витавшая в коридорах, сменилась неким унынием, хотя никто из учеников, казалось, не мог точно определить причину. Риота и Нобуюки, как всегда, держались вместе, но их обычные шутки и поддразнивания казались теперь неуместными. Их взгляды то и дело искали Сатоши, который, после их последнего совместного приключения, стал держаться несколько в стороне.

Во время обеденного перерыва, Риота заметил Сатоши, сидящего в одиночестве за дальним столиком. Обычно оживлённый, всегда готовый поделиться новой смешной историей или розыгрышем, Сатоши сейчас выглядел подавленным. Его плечи были опущены, а взгляд упирался в тарелку с недоеденной едой. Даже блеск в его глазах, обычно такой живой, потускнел.

«Что с ним?» – прошептал Риота Нобуюки, кивнув в сторону Сатоши.

Нобуюки, заметив состояние друга, ответил тихим, серьёзным тоном, который был так не свойственен ему: «Я слышал его родители… У них была авария. На машине». Он сделал паузу, его лицо помрачнело. – «Очень серьёзная авария. Они… они погибли».

Риота почувствовал, как холод пробежал по его спине. Внезапно, образ повешенного мужчины, с которым они так бездумно «играли», предстал перед его глазами с пугающей ясностью.

«Сатоши…» – Риота, подтолкнутый Нобуюки, подошёл к столу друга. – «Мне так жаль».

Сатоши поднял голову, и Риота увидел в его глазах слезы. «Мои родители…» – начал он, его голос дрожал. – «Теперь… теперь я живу у бабушки. Она будет обо мне заботиться».

Риота и Нобуюки, забыв о своих шутках и страхах, принесли Сатоши свои искренние соболезнования. Они видели, как его мир рухнул, как его привычная жизнь превратилась в руины. Этот разговор, этот момент общей скорби ещё больше сблизил их.

Несколько дней спустя, когда вечер уже сгустился над городом, а Риота сидел в своей комнате, погруженный в мысли о Сатоши и о том, что они видели в лесу, зазвонил телефон. Это был Сатоши.

«Риота…» – его голос звучал неуверенно, почти с дрожью. – «Ты… ты не против, если я переночую у тебя сегодня? Я… я не хочу быть один».

Риота, не раздумывая, согласился. Он понимал, как тяжело сейчас Сатоши. «Конечно, Сатоши. Приходи. Мы будем тебя ждать».

Когда Сатоши приехал, он казался ещё более напуганным, чем в школе. Он постоянно оглядывался, словно ожидая чего-то, но не мог объяснить, чего именно. Он не мог говорить

о своих чувствах, лишь сжимался, когда Риота пытался расспросить его. Они легли спать, и Риота, утомленный дневными событиями и переживаниями, быстро уснул.

Утром Риоту разбудил голос матери, зовущей их на завтрак. Он повернулся, чтобы разбудить Сатоши, который всё ещё спал рядом.

«Сатоши… проснись», – позвал он, осторожно толкая его плечо. – «Мама зовёт нас».

Но Сатоши не шевелился. Его тело было неподвижным, его дыхание – не слышным. Риота почувствовал, как в груди разрастается ледяной ком. Он попытался снова, более настойчиво, но Сатоши не подавал признаков жизни.

«Мам!» – крикнул Риота, его голос сорвался от ужаса. – «Мам! Сатоши не просыпается!»

Мать Риоты, услышав его крик, вошла в комнату. Её лицо, сначала выражавшее обычное материнское беспокойство, мгновенно исказилось ужасом, когда она увидела Сатоши. Срочно вызвали медиков. Когда они приехали, их вердикт был краток и страшен: остановка сердца. Сатоши был мёртв. Бабушка Сатоши, которую срочно вызвали, прибыла в слезах, склонившись над телом своего внука, не в силах поверить в эту новую, ужасную потерю.

Охваченный шоком и горем, Риота, забыв обо всём, набрал номер Нобуюки. Он хотел поделиться с ним этой новостью, возможно, найти в нём поддержку, но телефон был вне зоны досягаемости. Нобуюки не отвечал. На следующий день в школе его тоже не было. Риота, чувствуя, что что-то не так, решил зайти к нему домой.

Когда Риота подошёл к дому Нобуюки, его охватил ужас. Вместо привычного дома, где он так часто бывал, он увидел лишь сожжённые, чёрные развалины. Дым ещё вился над пеплом, а вокруг стояла тишина, более страшная, чем любой крик. Страх, который он испытывал в лесу Аокигахара, вернулся с новой силой. Он бежал домой, как будто спасаясь от преследующего его кошмара, и рассказал родителям обо всём, что произошло. О лесе, о Сатоши, о Нобуюки.

Его родители, выслушав его с нарастающим ужасом, решили, что ему нужна помощь. Они не могли оставить его одного с этими страшными событиями. На следующий день они отвели его к известному в городе экстрасенсу, мужчине по имени Таро.

На следующий день, когда солнце ещё не успело полностью рассеять утреннюю дымку, Риоту, поблекшего и потерянного, привели в дом экстрасенса. Само здание, где жил этот Таро, казалось, выделялось из общего ряда жилых домов – оно было старым, немного запущенным, с потемневшими от времени деревянными стенами и маленькими, затянутыми бумагой окнами, словно скрывающими в себе тайны. В воздухе витал странный, приторный запах благовоний, смешанный с чем-то ещё – затхлым, как запах старых книг.

Родители Риоты, с лицами, полными тревоги, объяснили экстрасенсу, что произошло. Сам Таро оказался мужчиной средних лет, с удлиненными, седеющими волосами, собранными в тугой хвост, и глазами, которые, казалось, видели насквозь. В его присутствии чувствовалась какая-то необычная сила, притягательная и одновременно пугающая.

Риота, преодолев робость, рассказал всё. О походе в Аокигахару, о встрече с повешенным человеком, о найденной истории «Коровья голова», о смерти Сатоши, о пожаре, уничтожив-

шем дом Нобуюки. Говоря, он сам с трудом верил в то, что вырывалось из его уст, но каждое слово, казалось, обретало новую, зловещую реальность.

Таро слушал внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая, словно складывая в единую картину обрывки информации. Когда Риота закончил, в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем старых часов.

«Я понимаю, что ты пережил, юный Риота», – наконец произнёс Таро, его голос был низким и спокойным. – «Эта история, которую ты нашёл… Она не простая. Она связана с чем-то древним, с чем-то, что может принести великую беду, это проклятие облачённое в рассказ. Любой, кто прочитает этот рассказ будет нести смерть вокруг себя. Смерть всех тех, кого он любит и кем дорожит». Он посмотрел прямо в глаза Риоты. – «Я смогу помочь тебе. Я проведу обряд очищения.».

Риота, услышав слово «проклятие», ощутил, как по телу пробежала волна холода. Но в то же время, в нем зародилась надежда. Надежда на то, что всё это можно как-то исправить, что можно спасти тех, кто остался ему дорог.

«Я… я хочу этого», – сказал он, его голос дрожал. – «Сделайте всё, что нужно».

На следующий день, ранним утром, Риота, вместе с Таро и матерью, отправились в Аокигахару. Мать, хотя и была напугана, решительно настаивала на том, чтобы сопровождать сына. Лес встретил их той же гнетущей тишиной, что и в день их первого визита. Деревья стояли плотной стеной, их ветви сплетались над головой, пропуская лишь тусклый, рассеянный свет.

Риота вёл их по едва заметным тропинкам, туда, где видел повешенного мужчину, Таро начал свой обряд. Он разложил на земле странные символы, выложенные из камней, зажёг костёр, в который бросил блокнот с историей. Его движения были точны и ритмичны, он произносил заклинания на древнем, непонятном языке, которые, казалось, витали в воздухе, проникая в самую суть леса.

Риота стоял в центре, чувствуя, как его тело наполняется странной энергией. Он ощущал, как что-то покидает его, как будто тяжёлый груз снимается с плеч. Таро, закончив свой обряд, подошёл к Риоте и положил ему руку на плечо.

«Проклятие снято, Риота», – сказал он, его голос звучал уверенно. – «Ты свободен».

Мать, облегченно вздохнув, сердечно поблагодарила Таро за его помощь. Она достала из сумки деньги, тщательно отсчитав купюры, и отдала их экстрасенсу. Риота, чувствуя себя так, словно снова начал дышать, тоже поблагодарил Таро. Казалось, всё действительно наладилось. Груз страха, который давил на него последние дни, исчез.

Вернувшись домой, Риота чувствовал себя другим человеком. Жизнь, казалось, снова обретала свои краски. Он старался вернуться к своей обычной жизни, но память о пережитом всё ещё преследовала его. Особенно он думал о Таро, человеке, который, казалось, спас его от чего-то ужасного.

Прошёл месяц. Риота чувствовал, что должен ещё раз поблагодарить Таро. Он решил пойти к нему домой, чтобы выразить свою признательность.

Придя к дому экстрасенса, Риота увидел, что он выглядит ещё более заброшенным, чем раньше. Дверь была закрыта, но не заперта. Риота осторожно открыл её и вошёл. «Таро?» – позвал он, но в ответ – тишина.

Наконец, из глубины дома вышла женщина. Это была жена Таро. Её лицо было измождённым.

«Вы… Вы кого-то ищете?» – спросила она, её голос был полон горечи.

«Да», – ответил Риота. – «Я ищу Таро. Я хотел бы поблагодарить его».

Женщина лишь заплакала. «Таро…» – прошептала она. – «Он… он скончался две недели назад». Её голос сорвался, и она, захлёбываясь слезами, выставила Риоту за дверь и закрыла дверь перед самым его носом.

Потрясённый, Риота отступил от двери. Таро мёртв? Тот, кто снял с него проклятие? Как это возможно? Он побрёл обратно к дому своих родителей, его разум был переполнен вопросами и новой волной страха.

Увидев мать, сидящую в кресле и спокойно смотрящую телевизор, Риота почувствовал мимолётное облегчение. Хоть кто-то остался прежним. Он подошёл к ней и рассказал о том, что случилось с Таро. Но мать, казалось, не слышала его. Она не ответила, её взгляд был прикован к экрану. Риота, встревоженный её реакцией, протянул руку и коснулся её руки.

Она была холодной. Без признаков жизни.

Риота почувствовал, как земля уходит из-под ног. Он бросился наверх, в комнату, где был отец. Отец лежал на полу, он был мёртв и рядом с его телом лежал блокнот, который Таро сжёг в обряде очищения.

Риота осознал, что проклятие никуда не исчезло. Он был заклеймён им и что бы он не сделал с блокнотом, он всегда будет возвращаться к нему. Любой, кто прочитает «Коровья голова» будет нести этот груз на себе. Груз потерь, отчаяния и безысходности. Все, кого он ценил и любил – Сатоши, Нобуюки, родители, экстрасенс Таро – все они погибли. Это он принёс его в свою семью, это он привёл его к другим. Мужчина в лесу, покончивший с собой, был первым, кто попал под его удар. И он сделал это, чтобы остановить распространение проклятия.

В этот момент отчаяния, когда реальность стала невыносимой, его взгляд упал на верёвку, лежавшую где-то в углу комнаты. В его сознании, затуманенном горем и осознанием собственной вины, возникла мысль – единственная мысль, которая казалась ему логичной, единственным выходом. Если он является источником проклятия, если всё, к чему он прикасается, все, кого он любит, обречены на гибель, то единственный способ остановить это – прекратить своё существование.

Движимый этим ужасным, но, как ему казалось, единственно правильным решением, Риота встал. Его движения были медленными, но исполненными холодной решимости. Он не плакал. Его слезы, казалось, иссякли вместе с его надеждой. Он взял верёвку, блокнот

и вышёл из дома, который теперь казался ему чуждым местом. Риота пошёл в лес Аокигахара. Туда, где всё началось.

Шаги его были уверенными, несмотря на внутреннее опустошение. Аокигахара ждал его, как будто предчувствуя его прибытие, готовый принять новую жертву.

Через несколько месяцев, люди, прогуливающиеся по лесу Аокигахара, как обычно, искали здесь уединения, покоя, или, возможно, того же, что искали Риота с друзьями – щекотки нервов.

Где-то в глубине леса, на одной из тех самых заросших тропинок, где когда-то бродили трое друзей, люди заметили нечто. Нечто, висящее на ветке могучего дерева. Труп. Мальчик, его тело казалось хрупким и безжизненным.

Люди, обнаружившие его, испытали ужас. Они немедленно сообщили о своей находке полицейским. Прибывшие на место, полицейские сняли тело мальчика с дерева. При нём нашли несколько вещей, ничего особенного, но затем наткнулись на блокнот.

В нём была история, написанная от руки, под названием «Коровья голова»:

Мир маленького Такуи был ограничен стенами старой, потрёпанной фермы и бескрайними просторами зелёных полей, что раскинулись вокруг неё, сколько хватало глаз. Это была его вселенная – мир запахов свежескошенной травы, влажной земли после дождя, парного молока и, как бы это ни было грустно, отдалённого, но неизменного запаха скотобойни, который всегда витал в воздухе, напоминая о суровой реальности жизни.

Его дни были заполнены простыми, повторяющимися действиями: помочь матери подоить коров, носить воду, собирать яйца из курятника, следить за птицей. Он не ходил в школу. Обучение его ограничивалось простыми навыками, необходимыми для жизни на ферме, которые передавались ему родителями, занятыми с утра до ночи тяжёлым трудом. И хотя он видел соседние фермы вдалеке, там не было детей его возраста. Его единственным компаньоном, единственным существом, с которым он мог поделиться своими детскими переживаниями, своими мечтами и страхами, был телёнок.

Он нашёл его, когда тот был ещё совсем крошечным, жалким и беспомощным, оставленным своей матерью. Такуи, едва ли понимая, почему, но чувствуя необъяснимую связь с этим маленьким существом, принёс его домой. Он выкормил его из бутылочки, укутывал в старое одеяло, когда становилось холодно, и разговаривал с ним. Он назвал его Тсуиоши, что на японском означает «сильный». В его маленьком, одиноком мире, Тсуиоши стал всем. Он был его зеркалом, его слушателем, его единственной отдушиной.

Такуи мог часами сидеть, наблюдая за Тсуиоши, как тот неуклюже перебирал ногами, исследуя мир, как он ел траву, как его глаза, большие и тёмные, смотрели на мир с наивной доверчивостью. Такуи рассказывал ему свои секреты, делился своими наблюдениями о жуках, пролетающих мимо, о форме облаков, о том, как тяжело бывает иногда быть маленьким и одиноким. Тсуиоши, в свою очередь, отвечал ему тихим мычанием, тёплым дыханием и ласковым тычком морды, и для Такуи это было самым ценным общением в его жизни.

Его родители, люди суровые и измотанные бесконечным трудом, редко обращали на него внимание, кроме как для того, чтобы дать очередную поручение. Они работали на скотобойной фабрике – мрачном, индустриальном предприятии, куда животных с их ферм, и со многих других, привозили для «утилизации». Запах крови и металла, даже издалека, казался постоянным фоном их жизни. Они были людьми, чьи руки были привычны к боли, чьи глаза видели слишком много жестокости, чтобы видеть что-то иное. Для них ферма была лишь местом производства, а дети – будущими помощниками, а не существами, нуждающимися в ласке или внимании.

Но для Такуи, его мир был другим. Он был наполнен светом Тсуиоши, его теплотой, его бессловесной преданностью.

Годы пролетали для Такуи незаметно, сливаясь в однообразную череду рассветов и закатов, сменяющихся сезонов и нескончаемых фермерских забот. Вместе с ним рос и Тсуиоши. Телёнок, которого Такуи когда-то нашёл почти умирающим, превратился в сильное, крепкое молодое животное. Его шкура, прежде мягкая и светлая, теперь стала плотной, тёмной, а его рога, ещё недавно крошечные отростки, теперь намекали на будущую мощь. Такуи, сам того не осознавая, тоже рос. Его детская хрупкость уступала место подростковой угловатости, а руки, прежде маленькие и нежные, становились сильнее, способными справиться с более тяжёлой работой.

Связь между мальчиком и животным оставалась такой же прочной, но теперь в ней появилась и доля чего-то более сложного. Тсуиоши, чувствуя свою растущую силу, стал более игривым, иногда даже слегка напористым, но его глаза, как всегда, излучали доверие и привязанность к Такуи. Для мальчика это было естественно – он не видел в Тсуиоши просто животное, а своего друга.

Жизнь на ферме продолжала идти своим чередом. Родители Такуи, измотанные непрерывным трудом, всё так же мало уделяли ему внимания, их разговоры сводились к поручениям и к тому, что нужно делать. Они работали на скотобойной фабрике. Он слышал отголоски работы – отдалённый шум, который порой доносился по ветру, и этот запах, всегда присутствующий, который его родители, казалось, не замечали, но который вызывал в нём смутное беспокойство.

Но пришло время, когда простое взросление Такуи стало не просто сменой возраста, а переходом к новым, тяжёлым обязанностям. Отец, человек с грубыми чертами лица и властным голосом, всегда смотревший на сына с неким холодным ожиданием, однажды пришёл к нему с новым поручением.

«Такуи», – начал он, его голос был резок и непреклонен, – «Ты уже не ребёнок. Тебе пора научиться всему, что нужно для выживания на этой ферме».

Он показал на одну из коров, стоящую в загоне, спокойную, жующую траву. «Тебе предстоит научиться работать на бойне. Ты будешь помогать нам».

Такуи слушал отца, но его сердце сжималось от страха. Он не понимал, почему. Он помогал по хозяйству, делал всё, что мог. Зачем ему нужно идти на скотобойню? Зачем ему нужно делать то, что вызывало в нём такое неприятное чувство?

«Я… я не хочу», – прошептал Такуи, его голос был едва слышен. – «Я не могу».

Глаза отца вспыхнули холодным гневом. Он сделал шаг к сыну, его лицо исказилось от ярости. «Что ты сказал?» – прорычал он. – «Ты думаешь, ты можешь решать, что тебе делать? Здесь я говорю, что нужно делать, а ты – исполняешь!»

Отец не терпел неповиновения. Никогда. Его слово было законом, а любое проявление слабости или отказа встречалось с суровой карой. Такуи видел эту сторону отца, видел, как тот обращается с животными, как его руки, привыкшие к жестокости, с лёгкостью причиняли боль. И теперь этот отец смотрел на него, своего сына, как на ещё одно упрямое животное, которое нужно подчинить.

«Ты будешь делать то, что я скажу», – продолжил отец, его голос стал ещё более угрожающим. – «Или пожалеешь. Ты уже не ребёнок, чтобы играть в игры».

Эта ночь была для Такуи мучительной. Он не мог уснуть, его мысли метались между страхом перед отцом и отвращением к тому, что его ждало. Он думал о Тсуиоши, о его тёплом дыхании, о его доверчивых глазах. Неужели и его ждёт такая же участь? Мысли о скотобойне, о том, что ему придётся там делать, казались невыносимыми. Он чувствовал, как его детская, ещё не сформировавшаяся психика начинает трещать под натиском этой новой, жестокой реальности.

Несмотря на свой страх и растущее отвращение, Такуи не мог избежать того, что казалось неотвратимым. Отказать отцу было не просто чем-то нежелательным – это было невозможным. Давление со стороны родителя, привыкшего добиваться своего любой ценой, не ослабевало. Отец, видя в сыне не столько ребёнка, сколько будущего работника, будущего продолжателя семейного дела, не допускал никаких отклонений от установленного им порядка.

И вот, наступил день, когда Такуи должен был впервые ступить на территорию скотобойни, чтобы исполнить свой «долг». Солнце, казалось, светило слишком ярко, подчёркивая контраст между его тёплыми лучами и мрачной, холодной атмосферой места, куда его вели. Отец, с лицом, выражающим смесь суровой решимости и какого-то болезненного, привычного равнодушия, сам привел его туда.

«Ты будешь смотреть и учиться», – сказал отец, его голос был лишён всяких эмоций. – «Потом будешь делать сам».

Воздух был пропитан тяжелым, металлическим запахом крови, смешанным с чем-то ещё, более тошнотворным – запахом страха, который, казалось, въелся в сами стены. Шум. Гул машин, скрежет металла, мычание и хрипы животных – всё это сливалось в оглушающую симфонию смерти. Рабочие, мужчины и женщины с огрубевшими руками и потухшими глазами, двигались с механической точностью, выполняя свои задачи. Они не смотрели по сторонам, словно каждый из них был погружён в свой собственный мир, мир, где эмоции давно были вытеснены необходимостью выживания.

Такуи чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он видел то, чего боялся. Видел, как животных, таких же, как Тсуиоши, вели на убой. Видел, как мясники, с ловкостью и профес-

сионализмом, выполняли свою работу, используя молоты, ножи, крюки. Его тошнило, голова кружилась, но отец, стоя рядом, лишь бросил на него раздражённый взгляд.

«Не брыкаться», – прорычал он. – «Иначе сам будешь первым».

Такуи приходилось смотреть. Приходилось видеть. Его родители, оба работавшие там, казалось, привыкли к этому зрелищу. Они работали без видимых эмоций, их движения были отточенными, будто годы работы стёрли в них всякое сострадание. Для них это была просто работа. Для Такуи – настоящий ад.

Отец показал ему, как нужно работать, как держать молот, как целиться. Но Такуи не мог. Его руки дрожали, его тело отказывалось подчиняться. Он чувствовал, как его собственные моральные принципы, его детская доброта, начинают бороться с нарастающей силой жестокости, которая, казалось, исходила от самого этого места и от его отца.

«Ты должен это сделать», – настаивал отец, подталкивая его к молодому бычку, который, смотрел на них с наивным доверием. – «Ударь его».

Но Такуи не мог. Его пальцы не слушались, молот казался неподъёмным. Он смотрел на бычка, и в его глазах видел Тсуиоши. Он видел своего друга, которого любил, которого кормил из бутылочки. И мысль о том, чтобы причинить ему боль, была невыносимой.

«Я не могу», – прошептал он, снова, его голос дрожал. – «Пожалуйста…»

Гнев отца, который до этого был лишь тлеющим углем, разгорелся с новой силой. Он схватил Такуи за плечо, его хватка была сильной и болезненной. «Ты упрямый болван!» – прорычал он. – «Ты думаешь, я буду терпеть твою слабость?»

Он оттолкнул Такуи в сторону, и, подойдя к бычку, сам взял молот и убил его.

Далее отец подвёл на место убийства Тсуоши. Такуи будто в оцепенении смотрел на это.

В тот самый момент, когда отец Такуи замахнулся молотом, чтобы нанести удар, взгляд мальчика встретился с взглядом Тсуиоши. Он наблюдал за происходящим, и в его больших, тёмных глазах читалось нечто, что заставило сердце Такуи сжаться от боли. Это не был страх. Это была растерянность, непонимание, и, казалось, безмерная несправедливость. А поверх всего этого – словно бы немой укор, осуждение, направленное на Такуи. Укор за то, что он здесь, что он не может, не смеет защитить своего друга.

Отец, не заметив этого напряжённого, безмолвного диалога между сыном и животным, с силой обрушил молот на голову быка. Звук удара эхом прокатился по огромному помещению скотобойни, заглушая другие звуки. Бык дёрнулся, но не упал сразу. Его тело, ещё полное жизненных сил, продолжало сопротивляться, даже находясь при смерти. Глаза его, всё ещё полные того же выражения, что и раньше, теперь начали тускнеть, словно жизнь медленно покидала их.

Этот момент, этот взгляд, полный несправедливости и осуждения, стал последней каплей для Такуи. Он увидел в глазах Тсуиоши отражение собственного бессилия, собственной трусости. Он понял, что его нежелание, его мольбы, его страх – всё это оказалось напрасным.

И в этот момент, когда в нём накопилось столько боли, столько несправедливости, столько отчаяния, что-то внутри него сломалось.

Не помня себя, поддавшись внезапному, иррациональному приливу ярости, Такуи накинулся на своего отца. Он бросился на него, пытаясь ударить кулаками, пытаясь остановить его, но это было тщетно. Отец, привыкший к физической силе и жестокости, легко повалил Такуи на землю. Его тело, большое и крепкое, казалось, не знало усталости. Он начал пинать мальчика, безжалостно, словно пытаясь выбить из него всю упрямую, непокорную душу. Такуи ощущал удары по всему телу, боль пронзала его, но всё, что он мог, это думать, о Тсуиоши, о его глазах, о своём бессилии. Последнее, что он почувствовал, прежде чем погрузиться во тьму, был ещё один удар, ещё один толчок, и мир вокруг него окончательно погас.

Когда Такуи пришёл в себя, он лежал на холодной земле, посреди скотобойни. Боль пульсировала во всём теле. Он посмотрел перед собой. Там, на разделочном столе, среди окровавленных инструментов, лежала голова Тсуиоши. Она лежала там, словно насмешка над их дружбой, над их прошлым.

Что-то в его сознании изменилось. Осколки его детской личности, его доброты, его страха – всё это было смято, растоптано. Перед ним лежала не просто голова его друга, а символ всего ужаса, всего насилия, которое он испытал от несправедливости мира. И в этот момент, словно ведомый какой-то чудовищной, иррациональной силой, он встал. Его тело, несмотря на боль, двигалось с неожиданной для него лёгкостью. Он подошёл к разделочному столу. Взял нож. Тот самый нож, которым, он знал, его отец обычно разделывал туши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.